

Сун Янь опустил глаза, глядя на открывшуюся перед ним картину. Ярко одетая женщина в туфлях на высоком каблуке ласково уговаривала плотно укутанного мальчика:

— Дедушка ругает тебя потому, что ты слишком шалишь. Тот черепашонок был его любимой чайной фигуркой, а ты просто выбросил её. Не злись же он тогда!

Она щёлкнула пальцем по его щеке.

— Наш Яо-Яо самый послушный. Пойдём с мамой внутрь и скажем дедушке «прости», хорошо?

Мальчик надул губы, но неохотно кивнул:

— Хорошо.

Женщина взяла его за руку и повела наверх. Её взгляд случайно поднялся — и встретился со взглядом Сун Яня.

Выражение её лица едва заметно изменилось, но лишь на мгновение. Затем она, не останавливаясь, вошла внутрь, всё ещё держа мальчика за руку.

Метель бушевала с такой силой, что лицо колело, будто лезвиями.

На голове и плечах Сун Яня уже лежал снег — видимо, он стоял здесь довольно долго.

Он опустил ресницы, не отрывая взгляда от той пары — матери и сына.

Он стоял неподвижно, будто сам стал льдиной под этим ледяным ветром.

Пальцы, сжимавшие ручку зонта, понемногу сжались сильнее.

Линь Чжи подошла, держа над ним зонт, и мягко сказала:

— Пойдём, домой.

Сун Янь поднял глаза. Прямо на его ресницы упала снежинка и тут же растаяла, превратившись в каплю воды.

Долгое молчание. Затем он кивнул:

— Хорошо.

Домой.

Под белым небом Сун Янь взял у неё зонт, и они пошли по снегу рядом.

Юноша незаметно наклонил зонт в её сторону.

Снег покрывал его плечи.

Но он не обращал на это внимания.

В ту же ночь Линь Чжи простудилась.

Видимо, из-за вчерашнего ветра.

Всё тело будто выключилось. Рука слабо вытянулась из-под одеяла, пытаюсь нащупать телефон.

Где он — не помнила.

Веки словно придавило тысячей цзиней, невозможно было открыть глаза.

Горло пересохло до боли.

Она попыталась приподнять голову, но тут же сдалась.

Каждый выдох обжигал горячим воздухом.

Перед Новым годом Сун Янь отпустил всех домашних работников в отпуск, оставив лишь одну уборщицу и повара.

Обычно их не было дома.

Линь Чжи не знала, кому позвонить. После приступа лихорадки сон начал одолевать её с новой силой.

Она закашлялась несколько раз, и сознание стало расплываться.

После долгих дней метели наконец-то выглянуло солнце.

Утром Сун Янь получил звонок от дедушки, который упрекал его за то, что тот не пришёл вчера.

Старику было уже шестьдесят. Несколько лет назад он вышел на пенсию и передал управление компанией своей единственной дочери.

Теперь он жил спокойно: завёл птиц, пил чай, наслаждался жизнью.

Возможно, с возрастом ему всё чаще хотелось видеть внука.

Поэтому Ян Чу и привезла Цзян Яо.

Но, увидев мальчика, старик только махнул рукой:

— Мне нужен старший внук, мой Сяо Янь.

Когда трубку наконец подняли, голос дедушки, хоть и постарел, всё ещё звучал бодро:

— Через несколько дней мой день рождения. Обязательно приходи!

Сун Янь молчал.

Дедушка занервничал и даже принялся капризничать:

— Если не придёшь, сегодня я есть не буду.

Потом, словно осознав, что это звучит недостаточно убедительно, добавил:

— И завтра тоже не буду.

Сун Янь наконец сдался и с лёгкой улыбкой ответил:

— Приду.

Старик остался доволен.

А потом вздохнул:

— Сяо Янь, я знаю, ты злишься на маму за то, что она тебя бросила. Но ничего, у тебя есть дедушка. Для меня ты всегда самый дорогой внук.

Уголки губ Сун Яня чуть-чуть разгладились.

— Хорошо, дедушка, понял.

Звон ветра в колокольчиках на балконе, бамбуковые занавески, развевающиеся на ветру, плетёное кресло-гамак и камелия рядом.

Сун Янь отвёл взгляд и вышел из комнаты.

В тихой гостиной окно было приоткрыто наполовину, кремово-бежевые шторы колыхались от ветра, а тёплый солнечный свет заполнял всё пространство.

Дверь в комнату Линь Чжи всё ещё была закрыта.

Он посмотрел на коробку в руке, немного подумал и подошёл к двери, постучав.

Никто не ответил.

— Линь Чжи? — тихо позвал он.

Всё так же — тишина.

Обычно она вставала в девять утра, чтобы делать утреннюю зарядку. Сегодня он не видел её на балконе — уже странно.

А сейчас...

Его начало тревожить.

Он повысил голос:

— Я войду?

Ответом ему был лишь шелест ветра.

Тогда он нажал на ручку и открыл дверь.

В комнате не горел свет, но в воздухе витал лёгкий молочный аромат —

тот самый, что всегда исходил от Линь Чжи.

Она спала беспокойно: нога торчала из-под одеяла, подол ночной рубашки задрался.

Чёрные волосы рассыпались по подушке, губы побледнели, брови были нахмурены.

Видимо, снился кошмар.

Сун Янь поставил коробку на стол и взял её за лодыжку, чтобы убрать ногу под одеяло.

Её ступня была округлой и нежной. Из-за многолетних танцев на пятках и подошвах остались тонкие мозоли, даже форма стопы казалась немного отличной от обычной.

Шрамы — знаки отличия воина.

А стопы — награда танцовщицы.

Кожа была настолько белоснежной, что даже просвечивала розоватым оттенком.

Линь Чжи пошевелилась во сне, и её ступня слегка потерлась о его ладонь.

Щекотно.

Только тогда Сун Янь очнулся, накинул одеяло и убрал её ногу внутрь.

Видимо, у неё жар — тело горело.

Он вернулся в свою комнату за аптечкой и пластырем от температуры.

Приклеив пластырь ей на лоб, он помог ей сесть.

Сознание Линь Чжи было затуманено. Она моргнула и посмотрела на него, но даже сидеть не могла без поддержки.

Сун Янь сел на край кровати за её спиной и поднёс лекарство к её губам, мягко уговаривая:
— Давай, выпей таблетку.

Она кивнула, взяла лекарство и запила водой.

Затем снова провалилась в сон.

Сун Янь просидел рядом ещё немного, убедился, что с ней всё в порядке, и вышел.

К полудню жар у Линь Чжи спал, но ломота от простуды заставляла чувствовать себя так, будто её избили.

Она села на кровати, и одеяло соскользнуло с плеч.

На лбу ощущалось что-то странное. Она потянулась и сняла пластырь.

Затем посмотрела на стакан на тумбочке.

Пар уже не шёл — значит, прошло немало времени.

Линь Чжи немного посидела, собираясь с мыслями.

Значит, это не сон.

Она встала, ступив на мягкий серый ковёр, и надела тапочки.

За балконом, на баскетбольной площадке, Сун Янь играл в баскетбол. На нём была спортивная форма и чёрная термобельё под ней. На запястье всё так же красовались механические часы.

Прыжок. Бросок. Мяч попал точно в корзину.

Движения были плавными и эффектными.

Линь Чжи впервые видела, как он играет в баскетбол.

Он взял полотенце, вытер пот. Мяч, выскочивший из корзины, продолжал подпрыгивать на асфальте,

пока пружина в нём не иссякла, и он не покатился в сторону.

Сун Янь не обратил внимания.

Мокрые пряди он небрежно откинул назад, и черты лица стали ещё отчётливее.

На лице играла лёгкая дерзость, смешанная с беззаботностью.

Будто именно таким он и должен быть.

Он открыл бутылку с водой и сделал глоток. Подняв глаза, он встретился взглядом с Линь Чжи.

Глоток застрял в горле — вода оказалась холодной.

На мгновение Линь Чжи показалось, что в его глазах что-то изменилось.

Беззаботность и дерзость исчезли, уступив место куда более сложному чувству.

— Простуда прошла? — спросил он.

— Гораздо лучше, — ответила она, опершись на перила балкона. — Спасибо тебе за всё.

Сун Янь покачал головой:

— Ветер сильный. Иди внутрь.

Линь Чжи тихо кивнула и вернулась в комнату.

Вскоре Сун Янь тоже поднялся наверх. Полотенце лежало у него на плечах. Линь Чжи сидела на диване, по телевизору шло выступление танцоров.

Звучала спокойная фортепианная музыка.

Линь Чжи отвела взгляд от экрана и посмотрела на Сун Яня.

Из-за болезни её лицо побледнело до прозрачности.

Длинные ресницы опустились, будто лишённые сил.

Под её взглядом Сун Янь почувствовал лёгкое замешательство и отвёл глаза, сжав полотенце.

— Сегодня дома никого нет. Пойдём поедим в ресторан, — сказал он через некоторое время и добавил: — Я уже забронировал столик.

Линь Чжи кивнула:

— Хорошо.

Она сидела тихо, спина прямая, но при этом невероятно покорная.

Сун Янь отводил взгляд, но снова и снова возвращал его к ней.

Он не знал, с какого момента начал чувствовать себя так странно.

Странно до того, что сам себе казался другим человеком.

Особенно когда был рядом с ней.

Даже ритм сердца будто подчинялся её воле.

— Я... пойду приму душ, — быстро сказал он и почти побежал в свою комнату, боясь, что она заметит его состояние.

Линь Чжи на мгновение замерла.

Ей показалось, что сегодня он вёл себя иначе, чем обычно.

Она вернулась в свою комнату, переоделась и, беря шарф, заметила на столе синюю бархатную коробочку.

Подойдя ближе, она открыла её.

Внутри лежал тонкий серебряный браслет для лодыжки — простой, но изящный. Алмазы на нём переливались в свете лампы.

Она немного поколебалась,

затем закрыла коробку и положила её обратно.

Чёрный Range Rover остановился у обочины. Линь Чжи открыла дверь и села.

— У тебя есть права? — неуверенно спросила она.

Сун Янь слегка сжал губы — её сомнения явно его задели.

Он достал кошелёк и протянул ей водительское удостоверение.

На фотографии — мужчина с холодным взглядом, прямой спиной и пронзительными раскосыми глазами, прямым носом и чёткой линией подбородка.

Без сомнения, это был Сун Янь.

— Я не сомневаюсь в тебе, просто... Это кажется невероятным, — объяснила она, пристёгивая ремень. — У соседского мальчика три года ушло на получение прав.

Сун Янь задумался:

— Ты меня хвалишь?

Его робкое выражение лица вызвало у неё улыбку. Она сдержалась недолго и, приподняв уголки губ, ответила:

— Да.

Пальцы на руле внезапно сжались. Он будто занервничал и отвёл глаза в окно.

Когда Линь Чжи пристегнулась, Сун Янь завёл машину и тронулся.

В ресторане Линь Чжи поняла, что бронирование столика было очень удачной идеей.

У входа толпились люди, ожидающие своей очереди.

Странно, но почти все были парами — влюблённые, прижавшиеся друг к другу.

Воздух будто пропитался розовыми оттенками романтики.

Линь Чжи почувствовала лёгкое беспокойство.

Это чувство усилилось, когда они вошли внутрь.

На каждом столе стояла ваза со свежей розой.

И тут она вспомнила, какой сегодня день.

День святого Валентина.

...

Линь Чжи немного помолчала, затем достала коробку из сумки и положила на стол.

Сун Янь поднял глаза — сначала на коробку, потом на неё.

— Ты не должен дарить мне такие дорогие подарки, — сказала она. — Я и так чувствую себя неловко, живя у тебя.

Ресницы Сун Яня слегка дрогнули.

Он не обратил внимания на дату. Просто повариха попросила выходной из-за семейных дел.

А браслет... он просто увидел его в витрине.

Под мягким светом он выглядел чистым и нежным.

В тот момент он почему-то вспомнил Линь Чжи —

и её белые, изящные лодыжки, когда она танцует.

И купил.

Сун Янь не двинулся и не взял коробку обратно.

Он просто смотрел на неё.

Говорят, противоположности притягиваются. Возможно, в этом есть доля правды.

Они оба слишком сдержанны и спокойны — между ними не возникает искр.

Даже Цзян Цзин как-то сказал, что с таким ледяным характером он либо умрёт в одиночестве, либо найдёт себе горячую и страстную девушку, которая сама всё сделает.

Сейчас же Сун Янь вдруг подумал: если Линь Чжи захочет, он готов измениться.

Стать тем, кто сможет зажечь искру между ними.

Или... он сам начнёт.

Это тоже возможно.

Но...

Внезапно перед глазами всплыла картина: мужчина падает, закрывая его своим телом от пули. До самого последнего вдоха он звал по имени свою дочь.

<http://bllate.org/book/11342/1013443>